

УДК 94(575)

ББК 63(257.0)6

Национально-территориальное разграничение в Средней Азии в 1920-х гг.: зарождение пограничных споров

М.Б. Хамидов¹, О.Ю. Курныкин²

¹Отдел стран СНГ Министерства иностранных дел Республики Таджикистан (Душанбе, Таджикистан)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

National-Territorial Delimitation in Central Asia in the 1920s: the Emergence of Border Disputes

M.B. Hamidov¹, O.Yu. Kurnykin²

¹Trainee of the CIS Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Tajikistan)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

Формирование административных границ республик Средней Азии связано с историческими событиями 20-х гг. XX в., большевистской политической разделением, или национально-территориально-го размежевания этого обширного исламизированного региона в центре Евразии. Существовавшие в имперский период государства Средней Азии (Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства), а также в начальный период советизации региона (Туркестанская АССР, Бухарская НСР и Хорезмская НСР) не были национальными образованиями. После окончания Гражданской войны большевики в рамках «политики самоопределения народов» исходили из того, что каждое государство должно было объединять население в рамках одной нации, определяемой прежде всего этнической принадлежностью. Однако реализация этих установок наталкивалась на отсутствие четких этнических границ и поликультурность региона; нередкими при делимитации границ становились конфликты из-за распределения водных ресурсов, пастбищных угодий, полезных ископаемых. Особенно сложным оказалось территориальное размежевание в Ферганской долине, воспринимавшейся большевиками как оплот антисоветского движения в Средней Азии под лозунгами панисламизма и пантюркизма. Неслучайно Ферганская долина, представлявшая собой единый хозяйственный и культурно-исторический комплекс, оказалась разделенной между тремя государственными образованиями, пограничные споры между которыми до сих пор окончательно не урегулированы.

Ключевые слова: Средняя Азия, национально-территориальное размежевание, Ферганская долина, территориальные споры, Ходжентский уезд.

The formation of the administrative borders of the Central Asian republics is connected with the historical events of the 1920s, the Bolshevik policy of division, or national-territorial demarcation of this vast Islamized region in the center of Eurasia. The Central Asian states that existed during the imperial period (Bukhara Emirate, Khiva and Kokand khanates), as well as during the initial period of Sovietization of the region (Turkestan ASSR, Bukhara NSR and Khorezm NSR) were not national entities. After the end of the Civil War, the Bolsheviks, within the framework of the "policy of self-determination of peoples", assumed that each state was to unite the population within a single nation, defined primarily by ethnicity. However, the implementation of these guidelines ran up against the lack of clear ethnic boundaries and the multiculturalism of the region; conflicts over the distribution of water, pasture, and minerals were not uncommon in the delimitation of borders. The territorial delimitation in the Fergana Valley, perceived by the Bolsheviks as a stronghold of the anti-Soviet movement in Central Asia under the slogans of Pan-Islamism and Pan-Turkism, was especially difficult. It is no coincidence that the Fergana Valley, which was a single economic, cultural and historical complex, turned out to be divided between three state formations, the border disputes between which have not yet been finally resolved.

Keywords: Central Asia, national-territorial delimitation, Fergana Valley, territorial disputes, Khujand District.

DOI: 10.14258/izvasu(2023)2-08

Примерно в одно время, в первой половине 1920-х гг., были осуществлены масштабные проекты по территориальному размежеванию обширных пространств на Ближнем Востоке и в Центральной Азии — раздел арабских владений распавшейся Османской империи на основе англо-французского соглашения Сайкс — Пико и решений конференции в Сан-Ремо (1920 г.), а также предпринятое российскими большевиками административно-территориальное переустройство среднеазиатского региона после его советизации и включения в состав СССР. Показательно, что спустя столетие оба проекта проходят испытание на прочность в условиях резко возросшей турбулентности мирополитических процессов на региональном и глобальном уровнях. Сопоставление двух этих проектов территориального разграничения и формирования новых национально-государственных образований является самостоятельной исследовательской задачей. Данная работа посвящена некоторым аспектам пограничного размежевания в советской Средней Азии.

Традиционный геополитический ландшафт Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств, мало изменившийся за время их пребывания под эгидой Российской империи, претерпел кардинальные изменения в советскую эпоху в связи с образованием национальных республик. Однако в мультикультурной среде Центральной Азии не удалось последовательно руководствоваться этнолингвистическим принципом при осуществлении территориального размежевания. Поэтому во вновь созданных среднеазиатских республиках остались иноэтнические анклавы и ирреденты. Впрочем, особого внимания на эту ситуацию союзный центр не обращал исходя из перспективы формирования единого советского народа [1, с. 78].

Историография данной проблемы значительна и отличается разнообразием оценок и подходов. Например, по мнению И.Б. Бочкаревой, национальная политика РКП(б) в начале 1920-х гг. характеризовалась высокой степенью гибкости, конъюнктурности, обусловленной стремлением соотнести стратегию строительства социализма с дискурсом по национальному вопросу в конкретном регионе, а сам процесс национально-территориального размежевания в Средней Азии рассматривался руководством ВКП(б) как способ нейтрализации пантюркистских настроений [2, с. 23, 24]. Д. Дагиев полагает, что советская политика размежевания привела к созданию искусственной структуры, построенной специально для поддержания долгосрочных конфликтов, как реализация стратегии «разделяй и властвуй» [3, с. 77]. А.А. Тагайбегова также придерживается мнения об искусственном создании советских среднеазиатских республик и их формальных границ

без учета особенностей историко-культурного характера [4, с. 75]. К. Алымбеков считает ошибочной политику размежевания со значительными социально-политическими, экономическими и культурными последствиями [5, с. 111]. М.Е. Шушкова, резко критикуя политику размежевания как «эксперимент большевиков», отмечает, что от нее больше всего пострадал таджикский народ, чьи интересы не были представлены на заседаниях Среднеазиатского бюро РКП(б) [6, с. 515]. Р. Масов, ссылаясь на попытки включения таджиков в состав тюркского народа (влияние пантюркизма), махинации в процессе переписи населения, добавление сартов в состав узбеков (процесс узбекизации), приходит к заключению о «топорном разделении» Средней Азии советским руководством [7, с. 3].

Процесс разделения Средней Азии оказался длительным, проблемным и многоаспектным, подвергавшимся влиянию различных факторов на разных уровнях и этапах. В данной статье основное внимание уделено административно-территориальному размежеванию в одном из важнейших регионов Средней Азии — в Ферганской долине (Ферганской области и небольшой части Самаркандской области), поскольку с самого начала установленные здесь границы подвергались серьезной критике и стали болевой точкой в советской Средней Азии и продолжают оставаться таковыми до сегодняшнего дня. В результате советской политики разделения официально были сформированы нынешние административно-государственные границы в Центральной Азии при наличии отдельных спорных участков границ Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана в Ферганской долине.

Население Ферганы отличалось чрезвычайным этническим разнообразием; хотя у разных этносов было много общего, в культурном отношении каждая этническая община обладала собственной идентичностью, позволявшей отличать одну группу от другой. До прихода русских, следуя местной традиции в определении этнического состава населения, было принято выделять следующие народы: сарты (оседлая этнокультурная группа, народ восточно-иранского происхождения по языку и культуре, вычеркнуты из списка народностей СССР после переписи 1926 г.), таджики, узбеки, киргизы, кипчаки, тюрки, каракасы. За исключением персоязычных сартов и таджиков, все они были тюркоязычными [8, с. 392].

До прихода русских только сарты и таджики — и в некоторой степени узбеки — были оседлыми народами и контролировали большую часть орошаемых долин. Некоторые узбекские племена продолжали вести кочевой образ жизни, тогда как другие находились на ранних стадиях перехода к постоянной оседлости.

В первые годы советской власти руководство Москвы не имело точных знаний об этническом составе Туркестана, Бухары и Хивы, причем в первых официальных советских документах национальный вопрос в Средней Азии классифицировался как «мусульманско-турецкий вопрос». Что касается этнического состава региона, то советское руководство имело слабые представления, в частности, о сартах и киргизах, хотя они рассматривались как возможные союзники России в Средней Азии.

Под давлением таких факторов, как нехватка финансовых ресурсов, напряженные отношения между некоторыми этническими группами, активность граждан при определении пограничных линий, региональные власти оказались втянутыми в переговоры между местным населением и советскими властными структурами [9, р. 124]. Политика, предусматривавшая создание новых национальных административных единиц, была разработана и предложена центральными советскими властями, но осуществлялась местными органами власти в рамках реализации советской национальной политики. При этом внутренние границы были лишь частью общего проекта территориального переустройства и становились составным элементом межреспубликанских пограничных споров.

Межэтнические пограничные споры стали мощным стимулом формирования идентичности и определения национальных границ. В частности, межреспубликанские границы в Ферганской долине многими экспертами рассматриваются как искусственная структура, построенная специально для поддержания долгосрочных конфликтов, как реализация стратегии «разделяй и властвуй» или просто как результат некомпетентного правления [3, с. 79].

По мнению Мадлен Ривз, «границы разных стран Центральной Азии, будь то географические, экономические или этнические, не рациональны. Именно большевики решали, какие этнические группы должны стать нациями, а затем разделили регион» [10, р. 56].

Начало первого этапа национального размежевания в Средней Азии было провозглашено 14 октября и ратифицировано 27 октября 1924 г. Центральным исполнительным комитетом СССР, в результате чего были образованы Туркменская ССР и Узбекская ССР, Таджикская АССР в составе Узбекской ССР, Киргизская АССР и Кара-Киргизская автономная область в составе РСФСР [11, с. 3]. Далее, 16 февраля 1925 г. была образована Кара-Калпакская автономная область в составе Киргизской АССР, которая оставалась в составе РСФСР [12, с. 200]. 15 июня 1925 г. было принято решение о включении казахских поселений в состав Киргизской АССР и преобразовании последней в Казахскую АССР [13, с. 5]. 25 мая 1925 г. Кара-Киргизская АО была преобразо-

вана в Киргизскую АО, а после 1 февраля 1926 г. — в Киргизскую АССР в составе РСФСР. Эти изменения произошли довольно быстро, и потребовалось время, чтобы закрепить новую территориально-административную структуру в регионе.

После утверждения ЦИК СССР проект стал официальной основой для осуществления демаркации границ. Несмотря на посреднические усилия Москвы, практически все союзные и автономные республики Средней Азии были не удовлетворены прохождением линии границы. Основная цель демаркации — обеспечение этнического единства во вновь создаваемых национальных образованиях — не была достигнута. Как видно из содержания документа, на большей части линии разграничения сохранились прежние границы административных волостей. Закрепленное административное деление не соответствовало этническим границам, использование его в качестве основы для территориального размежевания на практике расходилось с установкой построения новых государств по этническому признаку.

В ноябре 1925 г. киргизская комиссия официально выразила протест против предложенного разделения Ферганской долины и выдвинула свой план разграничения между Узбекской ССР и Киргизской АО РСФСР в данном регионе, предусматривающий передачу киргизской стороне ряда волостей и сельских общин [14, с. 5].

В 1926 г. ЦИК СССР создал комиссию по разрешению этно-территориальных споров между административными единицами Средней Азии [15]. На этом этапе Узбекистан добился включения в его состав Араванского района и левобережья Айымского района Ферганы, но его претензии на сельские общины Сузака были отклонены. Паритетная комиссия во главе с председателем ВЦИК Г.И. Петровским отвергла претензии узбеков в отношении Оша [16, с. 79].

В результате делимитации возникло множество пограничных споров между всеми новыми республиками и автономными областями. Пограничное размежевание оказалось одной из самых спорных сфер во взаимоотношениях национально-территориальных образований в Средней Азии, а также между ними и союзным центром. При этом некоторые споры длились годами, создавались многочисленные совместные комитеты для их решения. Механизмы и процессы согласования новых разграничительных линий оказались весьма сложными. Дебаты могли быть инициированы любым количеством комитетов, комиссий или даже группами местных жителей, заявлявшими о своем стремлении войти в состав той или иной административной единицы или национальной республики. Затем дебаты могли идти вверх по бюрократической вертикали и продолжаться годами, пока не принималось окончательное решение

по иерархии уровней ответственности: местный — республиканский — региональный — центральный.

Ближайшие месяцы после размежевания ознаменовались всплеском территориальных претензии со стороны властей вновь возникших административных образований, причем большая часть претензий была выдвинута весной 1925 г. Компетентными региональными учреждениями для всей Средней Азии, базировавшимися в Ташкенте, были Среднеазиатское бюро Российской коммунистической партии (большевиков) (Средазбюро РКП(б)), Уполномоченный Среднеазиатский совет труда и обороны (УполСТО) и Ликвидационная комиссия Средней Азии (Ликвидком), которые занимались вопросами делимитации границ и распределения собственности. Союзный центр был заинтересован в том, чтобы часть ответственности перенести на региональные инстанции, такие как Ликвидком, который был аффилирован с УполСТО, но часто действовал самостоятельно при решении вопросов о собственности и определении границ. 17 марта 1925 г. Ликвидком постановил обсудить все возникшие пограничные вопросы между ЦИК новых республик, а в случае неудачи переговоров эти вопросы передавались в ЦИК СССР через УполСТО [14, с. 6].

Несмотря на все усилия союзного центра ситуация в сфере территориального разграничения в Средней Азии оставалась трудно регулируемой. В августе 1925 г. окончательным решением в Москве была принята инструкция о возможном создании Среднеазиатской краевой комиссии для рассмотрения «всех пограничных споров между республиками». В октябре 1925 г. ВЦИК постановил, что каждый пограничный спор будет решать совместная пограничная комиссия, состоящая из представителей сторон спора. В ноябре 1926 г. ЦИК СССР создал единую комиссию для разрешения всех среднеазиатских пограничных споров [4, с. 5].

Однако единая комиссия не смогла урегулировать все споры; в этих условиях из центра посылались новые комиссии, на местах формировались свои структуры (в частности, были созданы временные территориальные комиссии — узбекская, туркменская, киргизская, казахская, таджикская), пытавшиеся решить пограничные споры в течение следующих нескольких лет. Большинство споров было принудительно прекращено в мае 1927 г., когда ЦИК СССР, возмущенный их масштабами, периодичностью и интенсивностью, постановил, что все пограничные споры должны быть приостановлены на три года [15]. Союзный центр смог сохранить стабильность в регионе, трехлетний мораторий привел к значительному сокращению пограничных споров, но все же ряд вопросов, связанных с территориальным разграничением, оставался неурегулированным.

Одним из наиболее проблемных регионов в ходе территориального размежевания являлась Ферганская долина, в частности, Ходжентский уезд Самаркандской области. К Ходжентскому уезду относился город Ходжент и территории к югу от него, включая нынешние территории Согдийской области Республики Таджикистан (кроме Исфары, Канибадама, Пенджикента и Ура-Тюбе (Истаравшана)), некоторые районы нынешних Узбекистана и Киргизии [7, с. 156].

С 1924 г. по распоряжению ВЦИК СССР на определенный срок до прекращения движения басмачества в Таджикской АССР Ходжентский уезд вошел в состав Узбекской ССР, что мотивировалось стратегической важностью района, на территории которого находились несколько промышленных предприятий и объекты инфраструктуры. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Ходженте проживало 206 628 человек, из них 119213 таджиков и 79940 узбеков, кроме того, этническими меньшинствами в уезде были русские (3182 чел.) и киргизы (1946 чел.)» [7, с. 159]. В 1929 г. Таджикская АССР была преобразована на Таджикскую ССР и выведена из состава Узбекской ССР.

Пограничный спор относительно этого региона начался после делимитации, когда эти территории были распределены между Узбекской ССР и Таджикской АССР. 17 марта 1924 г. Ликвидком провел демаркацию последних границ в Средней Азии и принял решение, вызвавшее много споров, в том числе относительно Ходжентского уезда [8, с. 382].

Киргизы намеревались включить Ходжентский уезд в состав Киргизского отделения (в дальнейшем преобразованного в Кара-Киргизскую АО), несмотря на то, что большинство населения, по данным переписей, не являлись киргизами. Местные элиты обвиняли руководство Кара-Киргизской АО в том, что прибыль от угольных копеек Сулюкты уходит в Узбекистан [17, р. 134].

В январе 1925 г. киргизская сторона выдвинула собственный проект административно-хозяйственного деления Ходжентского уезда. Проект предусматривал перераспределение Баксинско-Сибиргеневской, Исфанейской и Чапкулукской волостей в пользу Кара-Киргизской АО [9, р. 211].

Демаркация прошла в рамках региональной комиссии Кара-Киргизской АО, которая впервые собралась 7 апреля 1925 г. Дублицкий, возглавлявший подкомиссию по работе в Ходжентском уезде, привел аргументы в пользу того, что этот регион должен быть отнесен к Кара-Киргизской АО. Он привел данные о национальном составе населения: по данным переписи 1917 г. в Баксинско-Сибиргеневской волости на долю киргизов приходилось 93% населения, в Исфанейской волости — 75%

(по списку Статистической комиссии 1906 г.) и 66% в Чапкулукской волости (по данным, приводимых в работе Н. Лыкошина) [8, с. 390].

29 января 1926 г. ЦИК СССР для решения вопроса о киргизских претензиях и других пограничных споров назначил новую комиссию во главе с Г.И. Петровским. Эта комиссия урегулировала до 50 споров по всей территории Ферганской области и 27 марта 1926 г. вынесла окончательное решение о передаче упоминавшихся трех волостей в состав Киргизской АО по делу Ходжентского уезда. Однако комиссия оставила Сулюктинские рудники и железнодорожную ветку до Сулюкты в распоряжении Узбекской ССР [9, р. 212].

Комиссия Петровского привела данные о том, что киргизы не составляют большинства населения в Ходжентском уезде (около 36000 таджиков по сравнению с 5700 киргизами, несмотря на то, что в статистику было включено население соседних сел Киргизской АО). Вместе с тем Киргизский исполком пытался игнорировать таджиков в Сохе и Исфаре как национальную группу, которой должно быть предоставлено право на самоопределение [9, р. 215].

Вопрос о Сулюкте по-прежнему оставался спорным, жалобы киргизов по данному вопросу дошли до ЦИК СССР; в декабре 1926 г. ЦИК учредил новую комиссию — Кулбешеровскую — для решения Ходжентского вопроса и спора вокруг Сулюкты. В феврале 1927 г. комиссия постановила, что Сулюкта должна быть отделена от Узбекской ССР в пользу Киргизской АО исходя из национального состава рабочих (323 киргиза, 113 узбеков и 110 таджиков). В июне 1927 г. по приказу Сталина Сулюктинский рудник был передан Киргизии [7, с. 167].

Пример Ходжента показывает, как решались пограничные споры при установлении межреспубликанских границ в Центральной Азии. Территориальное размежевание и процесс делимитации границ дестабилизировали жизнь населения на приграничных территориях. Жители, оказавшиеся на линии разграничения, нередко были вынуждены сопротивляться, представляя себя частью более широкой нации; тем самым был дан толчок процессам этнокультурной самоидентификации.

Пример Ходжента подчеркивает, что пограничные споры характеризовались высокой степенью институциональной гибкости в годы, последующие за национально-территориальным размежеванием 1924–1925 гг. Впрочем, это может быть связано с от-

сутствием прочной иерархии сверху вниз или с общей «слабостью» советского контроля над среднеазиатским регионом.

В целом вновь созданные административные границы в Средней Азии, будь то внутренние или внешние, несмотря на их проницаемость, отсутствие охраны на большом их протяжении, запутанность линии разграничения в Ферганской долине, были символически важными. В долгосрочной перспективе осуществленное большевиками размежевание оказало определяющее влияние на этно-социальные процессы в регионе, направив их в русло этнокультурной самоидентификации и формирования национальной государственности.

Вместе с тем политика национально-территориального размежевания привнесла напряженность в межнациональные отношения в регионе из-за возникших многочисленных территориальных претензий. Лидеры большевиков в рамках социального конструирования создавали в советской Средней Азии «искусственные» государства и заложили основу для последующих проблем, связанных с межнациональными и межгосударственными конфликтами, особенно проявившими себя после распада Советского Союза [3, с. 82]. Советская политика административного разграничения особенно трудно осуществлялась в Ферганской долине, этно-национальный состав населения которой отличался фрагментарностью и территориальной чересполосицей.

Споры в отношении контроля над экономически важными городами Ферганской долины привели к реорганизации административных границ. При этом реорганизация подчас базировалась на недостоверных данных, например, незначительное большинство киргизов в Оше (по приведенным статистическим данным) было скорее результатом социальной инженерии. Аргументация в пользу исправления тех или иных границ могла носить избирательный характер: А. Койчиев указывает, что претензии Кыргызстана на волости в восточной части Ферганской долины были основаны на этнических данных; однако Кыргызстан был склонен отвергать принцип учета этнического состава населения применительно к районам, где большинство составляют таджики [14, с. 9]. Именно в Ферганской долине, особенно в ее восточном и южном секторах, выполнение советского плана национально-территориального размежевания оказалось самой сложной задачей из всего комплекса решения пограничных споров в Центральной Азии.

Библиографический список

1. Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. London, 2003.

2. Бочкарева И.Б. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г.: причины и влия-

ние на этнополитические процессы в регионе // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2019. №2 (106).

3. Дагиев Д. Национально-территориальное разграничение в советской Средней Азии // Туран-наме. 2021. № 1.

4. Тагайбекова А.А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии в годы советской власти // Наука и новые технологии. 2013. № 6. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25118501_25887277.pdf.

5. Алымбеков К. Национально-территориальное размежевание среднеазиатских республик: проблемы и специфика (1920–1924 гг.) // Вестник Иссык-Кульского университета. 2002. № 7.

6. Шушкова М.Е. Национально-территориальное размежевание Средней Азии: взгляд историков Таджикистана на проблему // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов. Екатеринбург, 2018.

7. Масов Р. История топорного разделения. Душанбе, 1991.

8. История таджикского народа. Новейшая история (1917–1941 гг.) / Академия наук Республики Таджикистан. Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша; под ред. Р.М. Масова. Душанбе, 2001.

9. Kritskiy V. Reorienting the Nation: Perspectives from Soviet Central Asia in the 1920s. PhD Thesis, Graduate

Institute of International and Development Studies, Geneva, 2018.

10. Madeleine R., Border Work: Spatial Lives of the State in Rural Central Asia // Ithaca. NY, 2014.

11. Зеленский И. Национально-государственное размежевание Средней Азии. Ташкент, 1924.

12. Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) «О национальном размежевании среднеазиатских республик» // Из протокола № 1 заседания Оргбюро ЦК РКП(б). Постановления II сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XI созыва. М., 1924.

13. Немченко М. Национальное размежевание Средней Азии. М., 1925.

14. Койчиев А. Национально-территориальное размежевание в Ферганской долине (1924–1927 гг.). Бишкек, 2002.

15. Бобохонов Р. Национально-территориальное размежевание и образование союзных республик в Центральной Азии (1924–1936 гг.) // ЦентрАзия. 02.07.2015. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1435859460>.

16. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии и его последствия // История Узбекистана: учебное пособие. Ташкент, 2018.

17. Everett-Heath T. Central Asia Aspects of Transition. London and New York, 2003.